

— ...И почему же ты решил явиться втайне? — спросил Дозер. — Уж ты-то должен понимать, как это выглядит с моей стороны.

Говис не ответил.

Дозер стиснул зубы. Почему сейчас?

Он не ожидал увидеть Монстра, да. Но проблема заключалась в том, что в его появлении, к несчастью, не было ничего удивительного.

Последние два века они с Говисом были не в лучших отношениях. Уже давно в Монстре совсем не узнавалось то потерянное существо, которое Дозер однажды нашёл и решил вырастить как своё собственное дитя. Слишком многое случилось. Общие воспоминания остались совсем в другой жизни. Или же их просто исказили время и ностальгия.

— ...Если ты пришёл убить меня, то чего ждёшь? Мне казалось, что мы с остальными научили тебя не колебаться.

— Я ещё не решил.

Дозер почти засмеялся носом.

— Так поздно? Не думаешь, что стоило разобраться в чувствах раньше, чем появляться здесь?

С другой стороны, это ведь всегда было его слабостью. Эмоции, как бы он ни пытался возражать. Монстр всегда подчинялся им.

Но говорить такое вслух не стоило.

— Нет, — сказал Говис, ничуть его не удивив. — Я думаю, что мы ещё можем найти общий язык. Пока не слишком поздно.

Слишком поздно для кого? Умел этот пацан делать завуалированные угрозы, у которых вуаль не с той стороны. Но указывать на это вслух тоже не стоило. Нужно было контролировать себя.

После всего, через что они прошли, почему-то куда больше хотелось наступить на больной нерв. Может, где-то глубоко, он ждал этого дня. Хотел увидеть, зайдёт ли Говис на самом деле так далеко.

Но нет. Разум должен победить. Хотя бы сегодня. Слишком многое на кону.

— Хорошо, — сказал Дозер. Он пошёл к большому креслу у королевской кровати и сел. — Говори. Я клянусь выслушать.

Какое-то время Говис молчал снова, явно подбирая слова.

— ...Я видел, что ты ищешь в этом месте, — сказал Монстр. — Я могу помочь тебе в поисках. Но в обмен ты должен согласиться помочь мне достигнуть моей цели.

Дозер приподнял бровь:

— Разве таким не был наш изначальный договор? И разве не ты сам заявил, что наши мечты несовместимы?

— ...Заявил. Но с тех пор мне удалось найти новую информацию, позволившую изменить мнение.

Дозер потёр висок костяшкой.

— Ну, вот это интересно, потому что ты так часто и давно это говорил, что, кажется, я начал верить сам. Поэтому давай, пожалуйста, объясни, что за новая информация.

— С радостью, — сказал Говис. — Но не при Энгомате.

— Ты шутишь?

— К несчастью, нет. Пожалуйста, отец. Отошли Энгомата, тогда я объясню. И, возможно, если я не наврежу тебе, ты наконец поймёшь, что я всё так же верен тебе.

— Едва ли. Неставляй всё так, будто без Энгомата я буду беспомощен перед тобой.

— Неставляю, отец. Ты беспомощен передо мной и с Энгоматом тоже. Возможно, тебе не хочется этого признавать, но истина в том, что моя сила давно превзошла твою.

Дозер невольно улыбнулся. Уверенность мальчишки, несмотря на ситуацию, вызывала гордость.

— Если так, то почему же не заставишь меня подчиниться и не заберёшь себе всё Избавление?

— Потому что это не моё желание. Я никогда не искал твоего места. Сколько раз мне нужно это сказать, чтобы ты поверил?

— Слова дешёвы, сынок.

— Тогда как насчёт действий? Никогда я не выступал против тебя.

— Ай-ай, вот это уже не совсем правда.

— Я всего лишь защитил своё. Я никогда не был против тебя.

— Отговорки тебе не помогут. А вот если возьмёшь ответственность – может быть.

Гигантская рептилия покачала головой:

— Это не важно, отец. Я прошу этого от тебя не без причины. Я понимаю, насколько сейчас тебе трудно хоть немного довериться мне, но должен настоять. Энгомат не может получить эту информацию, пока её не получишь и не обдумаешь ты сам. Если после решишь рассказать, то хорошо. Но тебе нужно право сохранить её в тайне.

— ...Зачем? Какая причина может существовать для такого?

— Прости, но если я объясню, то в тайне не будет смысла.

Теперь была очередь Дозера качать головой:

— Этого недостаточно, сынок. Ты просишь слишком многого, предлагая слишком мало.

Говис тяжело вздохнул и впервые за разговор отвернулся, шагнул к другой стороне комнаты. Он был таким высоким, что головой практически задел одну из маленьких металлических люстр.

— С моей точки зрения, существуют лишь две причины просить такого, — сказал Дозер. — Первая: ты просто лжёшь и пытаешься сделать так, чтобы убить меня было проще. Что, как ни забавно, не сработает, соглашусь я или нет. А учитывая, с какой уверенностью ты заявил о своей силе, это лишь подтверждает мои опасения.

Дозер дал ему время ответить, но человек-дракон ничего не сказал, даже не повернулся к нему.

— Вторая причина, — продолжил он, — заключается в том, что ты каким-то образом говоришь правду и поэтому боишься, что если Энгомат услышит и поймёт, что ты желаешь сказать, то немедленно предпримет некое непредотвратимое и необратимое решение. Например, отпустит мою душу? Но какая же информация способна заставить его так поступить? К тому же, ты ведь

должен понимать, что в гиперсостоянии именно я контролирую всё. Или забыл? Или он может сделать что-то ещё, чего ты боишься? Честно говоря, мне трудно представить другие варианты.

— Оба предположения неверны, — сказал Говис. — Как только я объясню, всё станет ясно. Поэтому, пожалуйста, отец. Если в тебе осталось хоть немного доверия, то используй его сейчас.

Дозер держал на нём свой стальной взгляд. С кем угодно другим ситуацию можно было бы решить очень легко. В качестве демонстрации доброй воли слуги традиционно обменивались жнецами и держали тех в заложниках на время переговоров.

Передавали жизни друг другу, иными словами.

Простой, древний, и довольно эффективный метод создания нейтральной территории для переговоров.

Проблема заключалась в том, что у Говиса не было жнеца.

Потому что Монстр Востока не слуга.

Какое-то время это было тайной. Столько, сколько Дозер знал его, Говис всегда владел силами слуги с мутацией. Но никогда с ним не было жнеца.

Поначалу Дозер считал, что жнец просто скрывается, а независимость Говиса – замысловатая иллюзия. Даже после того, как Говис показал, что может использовать регенерацию сам, безо всяких жнецов, потребовалось ещё много лет, чтобы по-настоящему ему поверить.

Но каким бы странным и неприятным ни был этот факт, на протяжении лет он показал много преимуществ. Жнецы – главная слабость слуг, а Говис, способный регенерировать без них, мог быть по-настоящему бессмертным.

Возможно, первым в истории.

Хотя наверняка такое не узнать. Насколько знал Дозер, полностью его никогда не уничтожали – не испаряли и не расщепляли на атомы. Поэтому оставалось вопросом, может ли он восстановить себя из ничего. Пацан, что можно понять, проверять это не собирался, потому что результат мог оказаться довольно очевидным и необратимым.

С другой стороны, он ведь мог восстанавливаться даже с разрушенным мозгом, так что это ещё оставалось под вопросом.

Впрочем, вопросы Говис вызывал у всех очень долгое время. Естественно, многие из их

товарищей в какой-то момент заметили его необычную черту, а объяснять его особенности другим было рискованно.

Поэтому Говис пошёл на очень большие ухищрения в довольно юном возрасте, чтобы через мутацию получить силу телепатии. Только так он мог говорить двумя голосами сразу, физическим и нет.

Поначалу получалось не очень, но со временем он разобрался. И сейчас, конечно, был достаточно стар, чтобы никто больше не сомневался. Все просто предполагали – и вполне резонно – что он в постоянном гипертоническом состоянии со своим жнецом.

В эти дни Дозер был одним из немногих во всём мире, кто знал эту правду. Даже Моргунов и Джеркаш, по всей видимости, не догадывались, хотя с ними никогда не получалось судить наверняка. Эти двое каким-то образом всегда доставали информацию, которую, как ему казалось, достать нельзя.

Впрочем, он и сам так делал.

— Если бы ты правда хотел поговорить со мной, — сказал Дозер, — то сделал бы это не так. И мы оба это понимаем.

Говис просто стоял на месте, с глазами пронзительного красного цвета, как и всегда.

У него вдруг возникла мысль:

— Или же... хм-м. Это о Дульвани? Они тебе понравились, да? Тогда можешь не беспокоиться, я не собираюсь их истреблять.

Если только они не встанут на пути, но это Говис тоже знал.

Пацан продолжил молчать.

М-м. Так, стоп... это он знал. Значит...

— ...Ты и вправду пришёл ради них, да? Потому что знаешь, что у них то, что я ищу. Или хотя бы информация.

— Ты делаешь поспешные выводы, отец. Я не рекомендую так поступать, особенно сегодня.

Дозер прищурился:

— И чего же особенного в сегодняшнем дне?

— Я здесь не от лица лесного народа, отец. Я здесь от лица Авангарда. Сермана.

Дозер стиснул зубы. Просто назвать это имя здесь и сейчас было оскорблением. Но он сдержался. Потому что, раз он знал, как насолить сыну, то и сын, конечно же, знал, как насолить ему.

— А сегодня день их контрнаступления, — сказал Говис. Несмотря на слова, в его тоне не было самодовольства. Только равнодушие, как и всегда. — Моя работа - просто задержать тебя. Он не просил даже убивать, хотя наверняка хотел бы этого.

Тот факт, что Говис раскрыл всё это, вместо того, чтобы скрытно напасть, был очень любопытен. Если цель заключалась лишь в отвлечении внимания, то он мог начать разговор на любую другую тему.

— Почему ты рассказываешь мне это?

— Потому что, как и сказал, я не уверен в том, что нам уже не найти общего языка.

— Иными словами, ты не до конца уверен, что хочешь меня предать?

— В целом, так. Ведь ты мой отец.

— Как мягкосердечно с твоей стороны.

— Насмехайся сколько влезет. Даже если ты каким-то образом сможешь превзойти меня и отправиться на помощь остальным, сегодняшний день не будет хорошим для Избавления. Если только ты не сможешь убедить меня остаться на твоей стороне и помочь.

Абсурд.

С другой стороны, он давно ждал этого разговора, так или иначе. Они оба избегали его столько раз.

И он понимал стратегию пацана. Говис ждал, пока ставки станут достаточно высоки, чтобы Дозер не мог просто отмахнуться от него или сменить тему - или как-то иначе отложить разговор на потом.

Либо всё случится сейчас, либо никогда.

Хотя это всё равно не объясняло, почему пацан так сильно хотел, чтобы Энгомат не услышал их разговор. Если Говис не потерял голову от самомнения окончательно, то он, по крайней мере, явно не хотел сражаться с ним в равных условиях. Или, может, верил, что ему удастся убить жнеца в то же мгновение, как они разделятся.

В чём бы ни заключалась правда, Дозер должен был признать, что Говис получил небольшой рычаг. Оценка ситуации пацана редко ошибалась. Они давно ждали большого контрудара со стороны Авангарда, и если день настал именно сегодня, то ничего удивительного.

Но это тоже не проблема Дозера.

— Ты же знаешь, что я не собираюсь вмешиваться в эту маленькую войну Моргунова. Так что тебе не обязательно тянуть время. Я в любом случае не пойду ни к кому на помощь.

— М-м. Я сказал Авангарду то же самое. Они мне не поверили. Что можно понять. Вера на слово в такой ситуации представляла большой риск с небольшой наградой.

Действительно, сын понимал. Насколько бы агрессивным ни оказалось контрнаступление, в итоге это будет просто ещё одно испытание для их людей.

Как и всегда, достойные выдержат.

Было время, конечно, когда он считал иначе.

Когда думал, что любая война – и даже любая битва критически важна. Он думал, что любой момент может оказаться поворотным – к лучшему или худшему.

Человек по имени Суреш изменил его мнение об этом. Один из самых страшных людей, что Дозер встречал в своей жизни. А вместе с тем – не знающий себе равных источник знаний.

«Мы прошли черту, Медан. Мир наблюдает за нами, всегда. И хотя многие вздрагивают от одного лишь взгляда, многие другие – нет. Вместо этого они желают использовать нас. Манипулировать нами. Заставить делать то, что выгодно им. Они видят всё, созданное нами, всё, чего мы достигли, и считают, что это делает нас уязвимыми, потому что нам есть, что терять.

Они ошибаются. Они дураки. А мы – монолиты. Нами не движет ни мир, ни провокации. Мы движемся лишь тогда, когда сами пожелаем этого, а все остальные расходятся в стороны. Помни это, Медан, иначе у тебя голова закружится от высоты, на которую ты забрался»

И действительно, Дозер понял, что такой и была правда. Сколько войн он прошёл с тех времён? Слишком много, чтобы сосчитать. И каждый раз они казались самым важным, что происходит с миром. Может, для обычных людей так оно и было.

Но не для него.

Нет, он не собирался влезать в эту чушь, начатую Моргуновым наверняка шутки ради. Даже если остальной мир не видел этой очевидной правды, он всё понимал.

— Ты удивляешь меня, мальчик мой. Снова сам прыгаешь в сети Демона. Когда тебя было не вытащить из твоей библиотеки, я подумал, что ты наконец усвоил урок.

— Это не имеет отношения к нему. И я думаю, что ты это прекрасно понимаешь.

— Нет? Может быть. Я думал, тебе близки его люди, по крайней мере, некоторые. предав меня, ты предаёшь и их тоже. Во всём Избавлении не любят предателей – и их последователей. Ты готов рискнуть и их жизнями тоже?

— Прекрати. Обсуждение таких тривиальных и жалких вещей не в твоём духе. Ты просто пытаешься отвлечь внимание, потому что не хочешь обсуждать реальную проблему.

Реальная проблема.

А.

Дозер замолчал. Мальчик был прав, хотя ему и не хотелось этого признавать, даже спустя столько лет.

Случилось кое-что, вызвавшее разлад между ними. Инцидент, который Дозер до сих пор пытался оставить в прошлом.

Может, он просто стал слишком стар. Застрял в собственных воспоминаниях. Не мог больше прощать и двигаться вперёд.

Ха, да кого он обманывал? Умения прощать в его арсенале не было никогда.

— Ты всё ещё винишь меня за убийство Суреша, — сказал Говис.

— ...Да, — ответил Дозер прямо.

И какое-то время пацан просто смотрел на него, с редким выражением удивления в рептильных глазах. Этого он не ожидал?

Чёрт, Дозер сам не ожидал. В любой другой раз он бы сменил тему или начал бы отрицать.

Но такова правда.

Смерть Суреша давно должна была стать частью истории. Как мог хоть кто-то держаться за одну обиду так долго?

Но здесь и сейчас он хотел признать её. Наконец-то. Это было практически облегчением – для него, и для сына тоже, по всей видимости.

Выражение лица Говиса медленно растаяло в трезвую усталость. Пацан глубоко выдохнул и сел на пол, положив хвост на собственные колени.

Что теперь?

Это, наверное, они и называли прогрессом. Шагом в правильном направлении.

Или нет.

— Его убийство отняло больше информации, чем грабёж Этори. Или разрушение Аркотеша. Ты понимаешь? Одним этим ты отнял у меня неисчислимый объём знаний. Даже если бы я уничтожил твою драгоценную библиотеку, это было бы несравнимо меньшей потерей.

— Сейчас ты преувеличиваешь.

— Нет. Ты просто не понимаешь глубину того, насколько он был мне полезен.

— Он пытался убить тебя, отец.

— И провалился бы, сынок, — Дозер почти засмеялся. — Чем больше меняется мир, тем больше он остаётся прежним. Как ты не считал меня способным защититься тогда, так не считаешь и сейчас. Похоже, изменились только твои аргументы.

— А ты продолжаешь не замечать моей ценности. Я теперь знаю гораздо больше Суреша. Что бы ты ни планировал для него, мог бы исполнить я, если бы только ты мне поверил.

Теперь была очередь Дозера вздыхать.

— Скажи мне. — В тоне Голоса появились редкие для него оттенки злобы. — Слишком много времени я потратил на эти вопросы. И каждый раз, как поднимал эту тему в прошлом, ты избегал её или прямо отказывал в ответе. Поэтому, если ты наконец-то готов проявить искренность в разговоре со мной, признать, что это не просто мне так кажется, то Расскажи всю правду, отец. Разве не был я хорошим сыном тебе? В чём же источник этого вечного

недоверия ко мне? Не может же дело быть лишь в смерти этого человека?

И вновь Дозер почти засмеялся. Но вместо этого покачал головой, понимая, что сын не выдержит смеха. Если и была надежда найти общую для них почву, то сейчас он должен был держать себя в руках. Нельзя показывать снисходительность.

— ...Ты открыто признал, что работаешь с Авангардом, и тебя всё ещё интересует, почему я тебе не доверяю?

— Да. Хотя дошло до этого, я говорю о прошлом. О том, что было раньше. Всегда я был верен тебе. Разве странно искать другие варианты, когда добиться развития с тобой было попросту невозможно?

Дозер наклонил голову.

— Нет, не странно. Я отлично понимаю эту часть тебя.

Он замолчал на секунду, оценивая свои следующие слова, а заодно оставив сыну шанс ответить. Но когда Говис промолчал, Дозер продолжил:

— По правде говоря, на каком-то уровне я уважаю тебя за это решение. Ты наконец-то вышел из моей тени, пусть и немного. Любой достойный отец должен чувствовать хотя бы капельку гордости в таких случаях.

Говис просто смотрел на него своими кроваво-красными глазами. Самая малость эмоций, продемонстрированная им полминуты назад, снова растворилась в нечитаемой маске.

Он жаждал большего, Дозер понимал. Потому что главный вопрос всё ещё не получил своего ответа.

Почему он не доверял Говису так, как доверял Сурешу? Человеку, ставшему открыто враждебным к нему под конец?

Почему он всегда ставил собственного сына настолько ниже этого человека? Тем более, когда они были похожи в столь многом?

Он должен был признать. Непонимание сына имело под собой основания.

И, пожалуй, довольно трагичные.

Но в этом ведь вся соль. Опасность.

Говис – его сын.

А в то же время нет.

Не на самом деле.

Это была игра. История, которую они решили говорить друг другу, ещё очень давно.

И со своей стороны Дозер знал, что позволил себе слишком размякнуть из-за этого. Позволил окунуться в домыслы и фантазии отцовства, как делал уже много раз на протяжении жизни.

Многие из его последователей с этим бы не согласились, но сам он не считал себя безупречным существом. Слишком часто отцовство становилось его слабостью. Наверняка выросшей из глубин психики, от которых ему никогда не избавиться.

Отец брошенных детей. Тот, кто помогает беспомощным увидеть правду этого мира.

Если оглянуться назад, то подобные мысли редко приносили пользу ему и его империи. Но так часто не удавалось выдержать искушения.

И Говис... вероятно, был вершиной этой слабости.

Со стороны, наверное, это казалось нелепым. Он задолжал мальчику объяснение.

— Сын... правда в том, что концепт «доверия», о котором ты говоришь... полон пороков.

Дозер почесал бровь, осторожно наблюдая за мальчишкой и наполовину ожидая атаки с его стороны в любой момент.

— Да, могло казаться, что я «доверял» Сурешу. Не стану отрицать. Но, понимаешь... — Он всё же не удержался от смеха. — Это потому что мне он никогда не нравился, сынок.

Рептилий взгляд Говиса не изменился.

— ...Что?

Дозер покачал головой, задумавшись о том, мог ли вообще мальчишка его понять.

— Доверять Сурешу было легко. Я бы даже сказал, тривиально. Потому что я знал, что это не сделает меня слабее. Я знал, что он угроза и «доверие» между нами далеко не зайдёт. Но с

тобой всё иначе. Ты мой сын.

На этих словах чёрный дракон приоткрыл рот, но ничего не сказал. И закрыл его обратно, озадаченный.

— Ты, — медленно продолжил Дозер, — действительно можешь сделать меня слабее, если я это позволю. Поэтому я не могу тебе доверять.

Наступила тишина.

Дозер ждал.

Может, и был способ объяснить всё получше, но Дозер не мог придумать его и сейчас, перебирая слова в голове.

Он хотел сказать что-нибудь ещё, может, прояснить аргумент-другой, но ничто не шло на ум. По правде говоря, он и так выложил гораздо больше, чем собирался. Чёрт, может, на самом деле стоило попытаться забрать что-нибудь назад.

Да ну. Не подобало императору слово назад забирать, какой бы ни была ситуация. И он сказал то, что думал на самом деле.

Наконец, спустя продолжительный промежуток времени, Говис убрал хвост с колен и поднялся.

— Я всё равно хочу кое-что сказать, — продолжил мальчик. — Этот разговор должен произойти без Энгомата. Но, думаю, он подождёт. Сначала нам правда нужно помочь другим, пока ещё не поздно.

Дозер моргнул. Ему потребовалось ещё мгновение, чтобы понять. Но даже переварив слова мальчика, он остался в своём кресле.

— Я ведь уже сказал, что не собираюсь вмешиваться в эту войну.

— К несчастью для тебя, ты уже вмешан. Санко здесь, ждёт шанса, чтобы помочь мне убить тебя, если это потребуется.

— М-м. Я так и знал, что это она. Думаю, ей очень трудно сдерживаться. Разберёмся с ней вместе? Мне бы хотелось избавиться от неё раз и навсегда, с твоей помощью это будет легко.

— Нет. Я не желаю её убивать.

Дозер почти вздохнул снова, но вместо этого нахмурился:

— Ты либо предаёшь меня, либо её. Выбери что-то одно.

— Фальшивый выбор. Думай, что хочешь, но я поступаю так, как хочу сам. А не ты или кто-то ещё.

Угх. Ну что за мальчишка.

И всё же Дозер невольно улыбнулся. Может, то, что они говорили друг другу, не было просто историей. Может, Говис и вправду его сын.

Редактор: akkunin

<http://tl.rulate.ru/book/1701/3184729>